

Доминирование в рассказе Андрея болезней объясняется последствиями постоянного физического и психического напряжения и переломления, которыми он готов поделиться. Эту форму слабости он может допустить, раз ему удалось их преодолеть. Однако о психических травмах¹², полученных вследствие пережитого рабства, он научился не говорить.

Подводя итоги, можно сказать, что переживание рабства сильно сказывается на сознании и во многих случаях определило дальнейшую судьбу пострадавших. Однако редко бывшие оstarбайтеры осознают, до какой степени последствия принудительного труда в Германии повлияли на их самоощущение и формы поведения. В условиях многолетнего замалчивания истории оstarбайтеров им следовало забыть о своем «позорном» прошлом. В послевоенные годы они были наиболее стигматизированы, и это отразилось на всей их дальнейшей судьбе. Именно в это время большинство бывших подневольных рабочих преобладали в возрасте, когда определяется будущее (выбор профессии, получение образования, вступление в брак), между тем выбор их был жестко ограничен. (Например, некоторые женщины не скрывали своей горечи относительно того, что замуж выходили в итоге не за тех, за кого хотели, потому что женихам-военным, например, подобный брак грозил концом карьеры.)

Исследование выявило еще одно следствие давних событий: стало понятно, что история оstarбайтеров отразилась на их детях и внуках. Это влияние и его последствия должны стать предметом дальнейших исследований.

¹² Подробное определение психической травмы можно найти у Keilson H. Sequelae Traumatization bei Kindern. Stuttgart, 1979.

Елена Чикадзе

Биография и контекст

Елена

Захаровна

ЧИКАДЗЕ –

научный

сотрудник

Центра

независимых

социологических

исследований,

(Санкт-Петербург)

Есть три эпохи у воспоминаний.

Анна Ахматова

Автобиография (рассказ о жизни) ситуативна, что уже отмечали социологи, использующие в исследованиях биографический метод. Одни и те же факты жизни могут быть интерпретированы различно, «логика» жизни, причинно-следственные связи событий, смыслы, которые им приписываются, могут меняться в различные периоды и в различных ситуациях: «Все тексты зависят от определенных объяснительных, концептуальных и текстуальных схем, в рамках которых они появились. <...> То, что мы воспринимаем, приходит к нам и происходит через наше восприятие всегда опосредованно, через то, как мы видим мир в настоящее время» [Руус, 1997: 8].

Иными словами, биографическое повествование зависит от социального контекста, в котором оно производится. На него влияют мироощущение человека в данный период, его

¹ В качестве иллюстрации приведу пример из моей исследовательской практики. Я брала интервью у одной молодой петербургской актрисы. В рассказе о жизни акцентировались ее заслуги перед городом и сообществом (в рамках исследования которого и бралось интервью) и сквозила обида за то, что они не были достойно оценены. В процессе общения выяснилось, что незадолго до этого ей отказали в

chikadze@indepsores.spb.ru

теlem, и тех, о которых она знает понаслышке. Много говорится о несчастьях и трудностях, меньше — об их преодолении и почти совсем ничего — о радостях или «нормальной» жизни.

Теперь, на основе интервью, разговоров и наблюдений, реконструируем ее жизненный путь.

Действительно, траектория жизни Екатерины Романовны представляет собой чередующиеся взлеты и падения. Ей трижды приходилось — после очередного катаклизма и вынужденного перемещения — налаживать жизнь практически с нуля, и каждый раз — кроме, пожалуй, последнего — ей удавалось переломить ситуацию, преодолеть депривацию, в которую ее ставило государство, и вывести свою семью на «должный уровень», заново «построить» дом.

Екатерина Романовна родилась в 1921 году в Лабинском районе Краснодарского края. Через год отец и муж старшей сестры бежали из России (оба участвовали в Гражданской войне на стороне белых). Однако в рассказе она перебрывает мостик между жизнью семьи при отце, то есть еще до ее рождения, и коллективизацией:

Мой родители жили очень хорошо, зажиточно. И я это, конечно, не помню, как мы там жили до коллективизации, я немножко потом уже начала соображать, что к чему, но со слов матери, она рассказывала, что отец у нас был хороший хозяин.

И первое крушение жизненного мира своей семьи — того мира, о котором она ничего не помнит и помнить не может и которого к 1930 году, можно сказать, уже не существовало, — она связывает с коллективизацией.

Когда уже в 29-м году началась коллективизация, тут начали сильные позромы. И вот начали нас раскулачивать. Вся живность забрали, весь сельхозинвентарь забрали, ничего не оставили, даже курей, гусей — и тех не оставили. А потом, через несколько месяцев пришли и выгнали нас из дома.

В 1930 году семья перебирается в Потти, где уже жила старшая сестра с мужем и детьми. Это первое вынужденное переселение Екатерины Романовны. На новом месте семью продолжают преследовать несчастья:

Но тут на нас просто напала какая-то напала. Первым умер зять. Затем, не прошло несколько месяцев, умерла мама. <...> Умерла сестра, умерла племянница... Две сестры у меня вернулись сюда, на Кубань, а мы со старшей сестрой остались там. Она, вернее, с нами осталась, с тремя со своими детьми и я, вот четверо человек. И нам так было трудно жить, что мы не находили куска хлеба. Ни квартиры

социальный статус, возраст, сама ситуация создания рассказа о жизни и проч., и проч. В этой статье я хочу рассмотреть зависимость биографии от контекста на примере одного биографического интервью.

Речь пойдет о биографическом интервью с человеком, чья жизнь отразила перипетии судеб различных социальных групп населения страны. Екатерина Романовна, 1921 года рождения. Ее семья была раскулачена и бежала с Кубани в Грузию; позже она разделила участь мужа, «турка-месхетинца»: была сначала депортирована, а спустя несколько десятилетий эвакуирована и вновь оказалась в местах своего детства.

В небольшом по объему интервью — 21 компьютерная страница — непосредственно автобиография, то есть связный рассказ о жизни, в котором события организованы автором в некоторую упорядоченную последовательность на основе разумных и понятных связей [Бурдые, 2002:76] — занимает всего три с половиной страницы. Остальное — ответы на вопросы интервьюера и спровоцированные просмотром фотографии воспоминания². Главная сюжетная линия рассказа Екатерины Романовны, его лейтмотив — это инициированное или спровоцированное государством бегство или, точнее, «потеря дома». Центральные события, которые рассматриваются как биографические переломы — вынужденные переезды. Жизнь между ними описывается крайне скупо. Более того, даже рождение детей упоминается только в связи с ситуацией биографического перелома: Екатерина Романовна обозначила год рождения первой дочери (1943), поскольку это важно было для описания депортации в 1944 году. Однако, говоря о жизни в Средней Азии, она уже не упоминает о рождении остальных — троих — детей. Весь рассказ об этом самом длительном (в несколько десятилетий) благополучном периоде сводится к нескольким предложениям, суть которых заключена в следующей цитате: «И вот мы переехали и жили, хорошо, уважали нас, и мы работали. Работали все время». Все интервью изобилует описанием «ужасов»: и тех, которыми Екатерина Романовна сама была свиде-

² присвоении звания народной артистки. Спустя три-четыре года мой коллега опубликовал статью, где использовал это интервью. Когда моя информантка ее прочла, она, неоднократно разговаривая со мной и пригласив на свои концерты и вечера, которые она проводила, приложила немало усилий, дабы убедить меня, что была неправильно истолкована, что в ее жизни все уже иначе, к этому времени она уже получила звание народной артистки.

³ Отчасти это следствие неразрешимой для меня методической проблемы: сочетание полевого наблюдения и интервью. По моему опыту, неоднократные встречи, разговоры и рассказы о жизни прежде интервью не лучшим образом сказываются на процессе непосредственно интервью, когда информант должен повторять уже рассказанное и, часто не единожды, на диктофон. Возможно, следует вовсе отказаться от диктофона и реконструировать биографию, как это и делает, например, Роланд Гиртлер в случае абсолютной неприменимости диктофона (Girler, 1980), но тогда ты неизбежно утрачиваешь — пусть частично — уникальность «голоса», речи информанта. На это у меня лично не хватает духа.

не было у нас, ничего у нас не было. Но опять же, благодаря хорошим людям, грузинам, нам очень хорошо помогали. Они даже не смотрели на то, что мы беженцы или там кто там некий, не смотрели на это. А я вот моталась среди них. Где нянечкой была у грузин, где домработницей, а что мне было тогда — 11 лет всего, 10–11 лет.

Со временем жизнь постепенно налаживается: сестра выходит замуж, а подросток Екатерина Романовна выбирает тот единственный путь, который мог позволить девочке-сироте с подпорченной анкетой и невеликим образованием «выйти в люди»: она вступает в комсомол, работает в райкоме, затем едет по направлению учиться в Тбилиси, где получает профессию бухгалтера, вступает в партию. Из интервью:

Мне 15 лет было, я уже была член партии. Я была хорошая активистка, я в райкоме комсомола работала целых полтора года, еще до учебы. Ездил по селам, создавала вот эти вот комсомольские организации, работала среди ихнего населения, молодежи, вот объясняла. Задают же вопросы: а почему бога нет, а почему вот эти колхозы, почему у нас землю отобрали, все. И я же все же читала, я все же грамотная — по тем временам — я все же грамотная была³.

В 1942 году она выходит замуж: «...поженились мы в начале 42-го года, во время войны. У него бронь была, он тогда работал заведующим райфинотдела, а я работала бухгалтером в РОНО». Брак не «по любви», его цель — создание «дома», обретение стабильности и защищенности. Вот как сегодня, спустя 60 лет, она объясняет этот шаг:

Я считала так: по-моему соображению, думаю, я на девять лет моложе его, вот он все же в годах, он будет более ко мне относиться вежливее и понимающий уже жизнь свою. <...> Уважала его. Он местный человек был, работал на должности на хорошей, уважали его и люди, и на работе, собственный вот он был, вот <...> думаю, он местный, здешний, и родители, и родственники его здесь, а я-то одна, сирота.

³ Комсомольская карьера Екатерины Романовны при ее казачьем происхождении и первом опыте раскулачивания вызывает вопросы. Я здесь разделяю точку зрения Даниила Берто, которую он аргументировал в статье «Трансмиссия социального статуса». Берто в данном случае говорит о политической карьере выходцев из дореволюционных привилегированных слоев, родившихся в последние предреволюционные годы. Реинтеграция его информантов в новое общество не была приспособлением: это поколение было комсомольским, чтобы помнить старую жизнь, во-первых, и, во-вторых, в 1920–1930-е годы происходит стихийная трансформация одного типа социальных связей в другой, основанный на политической активности [Берто, 1996: 228–231]. Что же говорить о моей информантке, которая родилась в 1921 году, и прежнюю жизнь семьи восстанавливает по рассказам матери, которой — напомню — исполнилось десяти лет от роду, а затем «жила в нянках», это делает, на мой взгляд, еще более убедительной искренность ее веры в идеи партии. При анализе интервью обнаруживаются и другие подтверждения такой интерпретации.

Думаю, хоть его родственники меня будут окружать, и все же как-то мне будет лучше, веселее жить.

Однако замужество, которое должно было закрепить достигнутую социальную позицию, обернулось новым крахом: в 1944 году ее мужа, Грузина в Среднюю Азию. Из интервью:

А в 44-м году 12 ноября вот случилась вот эта беда, что нас выслали оттуда, мужа выслали. Ну, правда, я была уже член партии, меня вызвал секретарь райкома, там Геллошвили был тогда, пожилой мужчина, и говорит: «Мы вас не высылает, а просто если вы хотите остаться здесь, вот ваше все — и квартира и все». А я уже была беременная вторым. Ну что мне делать? Оставить детей без отца? На это я не решилась. Мне очень было трудно и его оставить, и детей оставить. Ну поехала я с ним. Вот мы 12 ноября, нас посадили в товарные вагоны, холодные, под замком, ни пить, ни кушать. Ребенок маленький, сама в таком положении.

Этот нарратив я считаю важным для интерпретации автобиографии Екатерины Романовны. Не случайно она описывает это событие так подробно, в отличие от большей части остального рассказа: с датой, именем, прямой речью, своей рефлексией. Перед нами ситуация выбора, определившего ее дальнейшую судьбу. Однако полагаю, что таковой (альтернативной) ее делает контекст настоящей жизни: для молодой женщины, чья первичная социализация проходила в крестьянской среде, вторичная — среди «кавказских» народов (и там, и там ценность семьи была очень высока), выбор был определен⁴.

В Узбекистане, куда их привезли, Екатерина Романовна должна устраивать жизнь семьи с нуля. Эта работа ложится на ее плечи: она — так же, как ее муж, — «яркая коммунистка», но, в отличие от мужа и его сестры и матери, ее не депортировали, она поехала «добровольно». И она чувствует за собой право обратиться в райком партии:

И вот началось мое хождение там по райкомам, когда я пошла к первому секретарю, там узбек [был] Хатабаев, и ему рассказала вот это положение, все сначала и до конца. Я говорю: в чем мы виноваты? Он говорит: «Идите усложнитесь, через три дня вам будет квартира. Я позвоню председателю колхоза, если он ничего не сделает, то я его заставаю свою

⁴ Это, на мой взгляд, подтверждается следующим наблюдением. Младший сын, с которым она живет, разошелся с женой, и та уехала с дочкой, оставив мужа сына. Екатерина Романовна, разу не обмолвилась об этом, но, напротив, несколько раз проанализировала со мной) ни новости (например, по поводу того, что одной ей сложно управляться с хозяйством и поэтому она не может принять нас, как следовало бы).

квартиру освободить и вас туда поместить с этим маленьким ребенком».

Несколько лет уходит на создание нового дома: переезды, работа в совхозе, освоение новых специальностей. Наконец они обосновались в Фергане, куда «дочь выдана замуж», и с начала 60-х годов начинается самый длительный период благополучной, «нормальной» и спокойной жизни семьи. Екатерина Романовна работает по специальности, растит детей (у нее два сына и две дочери) и внуков (сегодня их тринадцать, да еще семь правнуков), дает им образование, мучается с младшеньким, принимает гостей, дружит с соседями, следит за фигурой, ездит в отпуск к морю, пользуется уважением, выходит на пенсию. При просмотре семейных фотографий (диктофон я не отключала) неоднократно возникает сад как символ их семейного благополучия и стабильности:

Ой, хорошо у нас было, такой сад у нас был! Каждый год три тонны винограда снимали... Вот это все-все-все наш сад.

Этот период длится около тридцати лет, но в 1989 году (май-июнь 1989 г.), когда начинаются печально известные события в Фергане, ему приходит конец. Семью эвакуируют и после недолгих скитаний они оказываются в Краснодарском крае, на родине Екатерины Романовны, правда, в другом районе.

Жизнь надо снова обустроить, однако теперь это приходится делать не в стабильном советском обществе, а в постперестроечной России, испытывающей серьезный социально-экономический кризис. Дети, жившие раньше поблизости, теперь разбросаны: одна дочь осталась во Фрунзе; другая переехала в Турцию, а затем к дочери в Штаты; старший сын, пожив какое-то время рядом, тоже переехал в Турцию. Сейчас она живет с девяностолетним мужем, младшим сыном и внуком и, несмотря на возраст и плохое здоровье — Екатерина Романовна перенесла четыре инфаркта, — сама ведет хозяйство.

Однако для восстановления прежнего благополучия у нее уже нет ресурсов: ни сил, ни времени, ни статуса. Единственным ее ресурсом сегодня стал тот факт биографии, который раньше не акцентировался, а иногда и замалчивался, — происхождение. Политика администрации Краснодарского края, направленная на выдавливание мигрантов и, в первую очередь, «турок-месхетинцев» с Кубани, с одной стороны, лишает надежды на обретение стабильности, с другой — вновь делает ее «казачку» — ответственной за семью. Вот как заканчивается «автобиографическая» часть интервью:

Но к нам относятся почему плохо, понимаете. Вот ко мне-то лично [хорошо], но на меня же действует, на меня это все действует, что вот их выгоняют, каждый день статьи, вот это все такое. Но мы не обращаем внимания,

потому что меня это не касается. Но я сказала, что вас никто отсюда не выгонит, пока я жива. А если я умру, тогда уже я не знаю, что с вами будет. Вот. И вот такая моя судьба сложилась, что вот сейчас, при старости лет, я не знаю, что мне делать? Ехать мне в Турцию? За какие деньги, чтоб я поехала, мне ж там пенсии не будет. Я же проработала в Советском Союзе всю жизнь. Мы же здесь работали, мы же здесь и пенсию получаем все. Ну как, куда ехать? Как ехать, с чем ехать? Вот такая моя судьба.

Из перспективы сегодняшнего дня, когда даже на своей родине она не может быть спокойна за свою «неказахью» семью, Екатерина Романовна считает замужество тем опрочечивым шагом, который направил ее жизнь в совершенно другое русло. В интервью она дважды сетует:

...если б были родители, может быть, они и не разрешили бы мне выходить замуж, но так как у меня никого не было, чтобы посоветоваться... ну, отговорить что ли... <...> ты же не пара ему. Ты русская, он мусульманин. Тут религия роль играет.

Последний аргумент мог возникнуть только в нынешнем контексте: ни для нее, ни для него религия не играла никакой роли, поскольку оба были неверующими.

Прежде всего события последних лет жизни — очередное вынужденное бегство, очередное «падение», но уже без надежды на «подъем», «географический» (пространственный) «развал» семьи — как следствие развала Советского Союза, социально-политическая ситуация на Кубани как следствие трансформации социального контекста — определяют нынешнюю интерпретацию Екатериной Романовной событий ее жизни, структурируют отбор фактов и их связь.

Несомненное влияние на структуру автобиографии оказала и сама ситуация интервью, о чем надо рассказать подробнее. Осенью 2002 года мы участвовали в летней школе, проходившей в одной из станиц Краснодарского края. Нас было около 15 человек, встречали нас пышно, с хлебом-солью, самогоном и казачьим хором. Поскольку школа включала пилотное исследование, мы активно общались с местными жителями: как с должностными лицами, так и с «простыми» станичниками. Вскоре мы узнали, что о цели нашего появления ходят самые разнообразные слухи. По одной из версий, мы представляли собой комиссию, которая приехала «турков выселить». Через несколько дней после нашего приезда на автобусных остановках появились надписи, направленные против «русских» и выполненные с «типичными» ошибками. Так или иначе, «турки-месхетинцы», с которыми мы встречались, апеллировали к нам как к представителям некой инстанции, способной каким-то образом повлиять на их судьбу.

В дом Екатерины Романовны мы пришли, чтобы познакомиться с ее сыном. О нас в семье уже знали. В первый же вечер – а мы затем неоднократно бывали в их доме, поскольку сын стал нашим проводником в «турецком» сообществе станицы – Екатерина Романовна вышла с нами познакомиться, села напротив и стала рассказывать о своей жизни. Рассказ ее был в основном схож с тем, что в последнюю нашу встречу я записала на диктофон. Однако одновременно это была жалоба – не в гоголевском или чеховском смысле, когда жалоба это прошение, а в советско-коммунистическом – жалоба как требование справедливости. Думаю, примерно так она разговаривала в райкоме в 44-м году: «За что? В чем мы виноваты?»

Мне представляется очевидным, что 20 лет назад рассказ о жизни Екатерины Романовны звучал бы совершенно иначе. И не только потому, что биография в советское время была строго регламентирована и в ней, например, не звучала бы «правда» об отце с зятем (по косвенным сведениям, отец умер в Китае, а зять добрался до Америки). Тогда в фергане протекала жизнь, выстроенная ее собственными усилиями, полная достатка, уважения и достоинства. Там был дом и сад, родились и выросли дети, появились на свет внуки, будущее не предполагало вояжирований, заданных теперь в интервью: «Я прожила 80 лет. Ну и что с этого? Чего я видела? И зачем жила?» Полагаю, что и сам факт депортации с годами потускнел, а возможно, даже и был оправдан необходимостью военного времени: они же оставались коммунистами. На мой взгляд, переселение в Среднюю Азию, прервав их социальную карьеру, не изменило ее направления.

Изменение структуры значений биографии Екатерины Романовны связано с трансформацией социального контекста. Разрушение единого пространства Родины – Советского Союза, где твой дом был там, где ты его построил, и возникновение новых границ; исчезновение партий, членами которой Екатерина Романовна была 50 лет, а ее муж – 52; появление националистических движений, настроений и политики; социальное экономическое преобразование в первую очередь переопределяют историю жизни инферманта. Контекст создания биографии диктует ее форму и структуру: «Рассказ о жизни будет варьироваться как по форме, так и по содержанию в зависимости от социального качества рынка, на котором он предлагается» [Бурдые, 2002: 80].

Литература

- [Берто, 1996]:
 Берто Д. Трансмиссия социального статуса в экстремальной ситуации // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. Москва: Институт социологии РАН, 1996. С.207–239.

[Бурдые, 2002]:

Бурдые П. Биографическая иллюзия // ИНТЕР – Интервью, Интеракция, Интерпретация. 2002. №1. С.75–81.

[Руус, 1997]:

Руус Й.П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам автобиографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Под ред. В.Воронкова и Е.Здравомысловой. ЦНСИ. Труды. Вып.5. СПб., 1997. С.7–13.

[Girtler, 1980]:

Girtler R. Vagabunden in der Grossstadt. Stuttgart, 1980.

Научно-информационный центр «Мемориал»

Центр независимых социологических исследований

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Чтения памяти Вениамина Иофе

Право на имя: биографии XX века

Биографический метод в социальных
и исторических науках

18–19 апреля 2003

Санкт-Петербург
2004